

иногда катастрофа
живёт внутри тебя

если я не подготовлюсь
к худшему, оно
обязательно случится

Адам
Элли
Кэт

НА ВСЯКИЙ

Слуган

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

психологическая драма
с элементами дарк-романа

18+

18+

Виктория Градова

На всякий случай

<https://litres.ru/74004073>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть люди, которые ждут лучшего.

Кэт всегда ждала худшего.

Она называла это предусмотрительностью. Осторожностью. Здравым смыслом.

Пока однажды не начала замечать, что некоторые её страхи сбываются слишком часто.

Когда под угрозой оказываются самые близкие люди, Кэт приходится выбирать между тем, что она видит, и тем, во что ей предлагают поверить. Но чем глубже она пытается докопаться до правды, тем сильнее сомневается в собственных воспоминаниях, мыслях и чувствах.

Потому что иногда катастрофа приходит не извне.

Иногда она живёт внутри тебя.

И ждёт подходящего момента.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Виктория Градова

На всякий случай

Глава 1

Мои пальцы так сильно впиваются в край пассажирского сиденья, будто тонкий слой ткани и поролона способен удерживать меня в реальности.

За окном мелькают одинаковые дома. Светофоры. Вывески магазинов. Люди с пакетами, спешащие по своим делам. Мир живет обычным вторничным утром.

А я почти ничего не слышу. Только сердце.

Оно колотится где-то в горле, бьется о ребра изнутри, словно разъяренный зверь, запертый в слишком тесной клетке.

Вдох.

Еще вдох.

Слишком быстро.

Слишком глубоко.

Воздух царапает легкие, но его все равно не хватает.

Давай.

Сосредоточься хоть на чем-нибудь. Сколько столбов мы уже проехали? Девять? Двенадцать? Двадцать?

Что ты ела утром?

Черт. Ничего.

Тошнота подкатывает к горлу.

Если меня сейчас вырвет прямо в машине, я просто умру от стыда.

Автомобиль плавно входит в поворот, и паника мгновенно впивается когтями куда-то под ребра.

Я начинаю незаметно бить себя ладонями по коленям. Раз. Еще раз. И еще.

Больно.

Лишь бы удержаться. Лишь бы не потерять контроль.

Никто не должен видеть, что со мной происходит.

Никто не должен понять, какая я на самом деле.

Глаза начинает жечь.

Ресницы становятся влажными.

Ладони скользкие от пота.

Да я вся уже липкая, будто меня бросили в кипяток и забыли вытащить.

Блядь.

Что, если сейчас в нас кто-нибудь въедет? Что, если водитель отвлечется? Что, если у машины впереди откажут тормоза? Что, если... Что, если... Что, если...

Мысли множатся быстрее, чем я успеваю их ловить.

— Приехали. Хорошего дня. Голос таксиста выдергивает меня из этого кошмара резко, почти грубо.

Я моргаю.

Передо мной уже знакомое здание клиники. Белый фасад.

Стеклянные двери. Небольшая клумба у входа.

Я даже не заметила, как закончилась поездка.

Дрожащими пальцами пытаюсь открыть дверь автомобиля. Ноги тоже дрожат. Кажется, сейчас они просто подогнуты прямо возле входа.

Еще утром я спокойно записалась к стоматологу. И каждый раз забываю, что самое страшное для меня давно уже не зубные врачи. Не уколы. Не бормашина. Не запах лекарств.

Самое страшное — дорога к ним.

Я ужасно боюсь машин. И это уже давно не похоже на обычный страх. Скорее на что-то животное.

Древнее.

Будто мое тело заранее уверено, что сегодня случится что-то ужасное, и пытается спасти меня раньше, чем это произойдет.

Обычно я стараюсь ездить днем. Тогда можно кому-нибудь позвонить. Слушать чужой голос.

Цепляться за разговор, как утопающий цепляется за спасательный круг.

Иногда помогает. Но чаще — нет.

Я даже не заметила, как перестала бояться стоматологов. Когда-то одного запаха клиники было достаточно, чтобы внутри все сжималось в тугой узел. Смесь антисептика, лекарств и чужого страха намертво въелась в память еще в детстве.

Тогда врачей мало интересовало, страшно тебе или нет.

Сиди спокойно. Не дергайся. Терпи.

Будто страх был чем-то постыдным, а боль — обязательной частью взросления.

Поэтому к двадцати трем годам мне пришлось буквально собирать себя заново. Записываться на приемы. Приходить. Возвращаться снова.

Раз за разом доказывать собственному телу, что не каждая дверь, за которой тебя когда-то напугали, обязана скрывать новый кошмар.

Наверное, помогли привычка, хороший врач и десятки часов, проведенных в кресле без катастроф.

Мозг наконец усвоил простую вещь: не всё, что пугает, обязательно причиняет боль.

Жаль, что с машинами это не работает.

Хотя автомобили давно стали такой же частью жизни, как утренний кофе или поход в магазин. Люди садятся за руль, смотрят в окно, разговаривают, листают телефон на светофорах. Для них это настолько естественно, что они даже не замечают самого процесса.

Для меня каждая поездка — отдельная битва. Короткая. Изматывающая. Без единого шанса на победу. Поэтому я почти перестала куда-то ездить. Редко выбираюсь за город. Перестала искать красивые места. Отказалась от спонтанных путешествий, которыми когда-то жила.

Сначала мне казалось, что так будет легче.

Если не садиться в машину — не придется бояться.

Логично.

Вот только страху плевать на логику. Он не становится меньше. Наоборот. Разрастается. Пускает корни глубже.

Теперь он ждет меня заранее.

В квартире.

На улице.

В тот момент, когда я только открываю приложение такси. Никто не понимает, насколько это страшно. Даже когда машина едет всего шестьдесят километров в час, мое тело уже ведет себя так, словно мы мчимся навстречу бетонной стене.

Сводит плечи.

Болят руки.

Немеют пальцы.

Челюсть сжимается так сильно, что потом несколько часов ноют зубы.

И самое ужасное — я даже не знаю, чего именно боюсь. Я не попадала в страшные аварии. Не видела разбитых машин, в которых погибали близкие. Никто не вытаскивал меня из искореженного металла.

Так откуда тогда взялся этот ужас?

Почему мое тело реагирует так, будто уже пережило что-то, о чем сама я ничего не помню?

Может быть, именно так и выглядят настоящие фобии. Когда мозг однажды ломается в каком-то конкретном месте. Без причины. Без предупреждения. И потом годами прячет эту трещину внутри тебя.

А самое обидное — невозможность объяснить это другим.

Люди всегда говорят одно и то же:

— Успокойся. Будто это кнопка. Будто я сама не пыталась. Будто если бы могла, то не отдала бы всё на свете за возможность просто сесть в машину и смотреть в окно, как нормальный человек.

Но в такие моменты я почти никого не слышу.

Потому что внутри меня уже кричит что-то гораздо громче. И этот крик заглушает всё.

Я смотрю на двери клиники и тяжело выдыхаю.

Блядь.

Надо еще как-то добраться домой.

Вернувшись домой, я наконец чувствую себя в безопасности. Или мне просто кажется, что здесь всё под контролем. Иногда я уже не понимаю разницы. В любом случае в четырех стенах мне спокойнее.

Здесь ничего не несется мимо на бешеной скорости. Никто не перестраивается без поворотника. Никто не вылетает на встречную полосу. Никто не принимает решение за долю секунды, от которого может зависеть чья-то жизнь.

Только тишина.

Густая.

Тяжелая.

Почти осязаемая.

Иногда мне кажется, что я люблю её слишком сильно. По-

тому что именно в тишине можно притвориться, будто мир безопасен.

Но есть и другая сторона. Иногда эта же тишина начинает давить.

Медленно.

Терпеливо.

Как вода, которая капля за каплей разрушает камень.

И тогда мне кажется, что стены квартиры постепенно разлагают меня вместе со всеми мыслями, которые я так старательно прячу внутри.

— Может, мне стоит просто покатать тебя в экстремальном режиме? Спокойный голос Адама выдергивает меня обратно в реальность.

Я поднимаю на него тяжелый взгляд.

Он тут же вскидывает руки вверх.

— Ладно-ладно. Уже молчу.

И скрывается на кухне.

Наверное, принимает мой взгляд за категорический отказ.

И правильно делает.

Адам водит аккуратно. Не гоняет. Не подрезает. Не нарушает правила. Я бы доверила ему свою жизнь. Если бы проблема была в нем. Но проблема никогда не была в нем.

Иногда он обижается.

Иногда злится.

Потому что воспринимает мой страх как недоверие к себе. Словно я сомневаюсь в его навыках. Только дело вообще не

в водителе. Даже если бы за рулем сидел лучший человек на планете, ничего бы не изменилось. Меня пугает не тот, кто рядом. Меня пугают те, кого я не могу контролировать.

Машины на встречной полосе.

Водитель в соседнем ряду.

Парень в старом внедорожнике позади нас.

Женщина с телефоном в руке впереди.

Каждый из них кажется потенциальной катастрофой.

Откуда мне знать, что кто-то из них не пил вчера до утра?

Что кто-то не уснул за рулем?

Что чей-то ребенок не отвлек водителя в самый неподходящий момент?

Что какой-нибудь идиот не решит проверить, насколько быстро его машина разгоняется до сотни?

Я смотрю на поток автомобилей и вижу не людей. Я вижу сотни возможных сценариев смерти. И мой мозг услужливо прокручивает каждый из них. Снова. И снова. И снова. Будто пытается подготовить меня заранее. Будто если я продумаю все варианты катастроф, то смогу их предотвратить. Только это не работает. И никогда не работало.

Зато работает другое. Я перестаю отдыхать. Перестаю расслабляться. Перестаю жить. Потому что часть меня постоянно находится в ожидании удара. Словно беда уже выехала мне навстречу. И вопрос только в том, на каком перекрестке мы встретимся.

Самое страшное даже не это.

Самое страшное — я больше не уверена, что боюсь самой аварии.

Иногда мне кажется, что я боюсь собственного бессилия. Того момента, когда случится что-то ужасное, а я ничего не смогу изменить.

Ничего не остановлю.

Ничего не исправлю.

И где-то глубоко внутри живет уверенность: если однажды катастрофа всё-таки произойдет, я её не переживу. Не физически. Морально.

Потому что некоторые вещи ломают человека задолго до того, как убивают.

— Алло, да? Адам отвечает на звонок и почти сразу выходит из комнаты.

Странно. Раньше он так никогда не делал.

Мысль возникает мгновенно. Слишком мгновенно. Даже пугающе.

Может, он что-то скрывает? Может, готовит сюрприз? Или у него появилась другая?

Внутри будто щелкает какой-то невидимый переключатель. И реальность начинает рассыпаться на сотни вариантов.

Я уже вижу переписки. Чужое имя на экране телефона. Женские руки на его плечах. Случайные прикосновения, которые давно перестали быть случайными. Вижу его виноватый взгляд. Вижу себя. Как стою напротив и делаю вид,

что держусь. Как киваю. Как говорю, что всё понимаю. Хотя внутри в этот момент что-то медленно умирает.

Каждая мысль цепляется за следующую. Разрастается. Пускает корни. И уже через несколько секунд в моей голове существует целая история, которой никогда не было.

Я настолько проваливаюсь в неё, что не замечаю, как Адам возвращается обратно.

Он что-то говорит. Спрашивает. Смотрит на меня.

А я всё ещё нахожусь где-то там, в выдуманной катастрофе.

— Ты чего? Всё нормально?

Его голос звучит совсем рядом.

Я вздрагиваю.

Будто меня поймали за чем-то постыдным.

— Мм?.. Да. Да, всё нормально.

Быстро хватаюсь за пульт и перематываю серию в начало. Потому что за последние несколько минут не услышала ни единого слова. К этому моменту знакомая липкость уже расплзается по телу.

Подмышки.

Ладони.

Шея.

Тонкая полоска пота между лопаток.

Блядь. Как же я устала от самой себя.

От этих мыслей. От бесконечных сценариев, которые рождаются быстрее, чем я успеваю их остановить. От постоян-

ного ожидания чего-то плохого.

Иногда мне кажется, что мой мозг вообще не умеет жить иначе. Он не ищет счастье. Не ищет спокойствие.

Он ищет угрозу. Словно это его единственная работа.

И самое странное — раньше я никогда не считала себя тревожным человеком. Наоборот. Мне казалось, что я достаточно сильная. Достаточно рациональная. Достаточно взрослая.

Но потом что-то изменилось.

И теперь я постоянно жду удар.

Каждый день.

Каждый час.

Каждую минуту.

Будто мир обязан доказать мне, что всё закончится плохо.

И я совру, если скажу, что совсем этого не хочу. Пусть даже это будет измена. Пусть предательство. Пусть любая другая катастрофа.

Мне просто хочется, чтобы хоть раз мои мысли оказались правдой. Чтобы всё это имело смысл. Чтобы я перестала чувствовать себя сумасшедшей.

Потому что тогда это была бы не тревога. Не болезнь. Не сломанный механизм в голове. Тогда это называлось бы иначе. Интуиция. И, наверное, именно это пугает меня больше всего.

Не то, что Адам может уйти.

А то, что однажды выяснится: всё это время бояться было

нечего.

Адам еще какое-то время сидит рядом со мной на диване, лениво листая что-то в телефоне. Он разговаривал с кем-то всего две минуты. Неужели это стоило того, чтобы поднять свою ленивую задницу и уйти в другую комнату?

Я пытаюсь смотреть сериал. Точнее делаю вид. На экране кто-то кого-то убивает, спасает или бросает. Понятия не имею.

Я уже минут десять смотрю в одну точку и не могу вспомнить ни одного диалога. После звонка он становится каким-то задумчивым.

Несколько раз кому-то пишет.

Потом поднимается.

— Я быстро в магазин и обратно.

— Угу.

— Тебе что-нибудь взять?

— Нет.

Он несколько секунд смотрит на меня так, будто хочет спросить что-то еще. Но не спрашивает.

Дверь закрывается. В квартире становится тихо.

Слишком тихо.

Я сворачиваюсь клубком на кровати и натягиваю одеяло почти до самого носа. Наверное это из-за стоматолога. После лечения я всегда чувствую себя странно.

Слабость.

Разбитость.

Тошнота.

Половина лица все еще кажется чужой.

Да и ночь была дурацкая.

И погода.

И вообще организм имеет право иногда чувствовать себя как мусор. Не обязательно же у каждой проблемы должна быть психологическая причина. Правда?

Я переворачиваюсь на другой бок. Подушка пахнет кондиционером для белья. Одеяло тяжелое и теплое.

Я строю вокруг себя маленькую крепость из подушек и пледа. Если честно, иногда мне кажется, что я могла бы прожить здесь всю оставшуюся жизнь.

Не выходить из квартиры.

Не ездить в машинах.

Не принимать решения.

Не ждать плохих новостей.

Просто лежать.

Спать.

Смотреть сериалы.

Есть что-нибудь вредное.

И делать вид, что внешний мир не существует.

Удивительно, насколько быстро безопасность начинает напоминать клетку.

Где-то в недрах моего одеяльного логова начинает вибрировать телефон. Я игнорирую его.

Он продолжает вибрировать.

Еще раз.

И еще.

— Господи...

Приходится высунуть руку наружу и начать разгребать подушки.

— Алеее...

— Але, ты опять была у врача?

Я улыбаюсь раньше, чем успеваю это осознать.

— Ага.

— Господи, я даже горжусь тобой.

— Спасибо, мам.

— Не называй меня так. Я еще слишком молодая и красивая для этого.

Я смеюсь. Тихо. Наверное впервые за весь день.

— Ну рассказывай, насколько все было ужасно?

— По десятибалльной шкале?

— Да.

— Четыре.

— Ого.

— Да.

— Раньше было восемь.

— Раньше я начинала паниковать еще возле входа.

— Прогресс.

— Прогресс.

Я слышу как она что-то делает на своей кухне. Гремит посудой. Открывает шкафчики. Шуршит пакетами. Странно,

как некоторые звуки могут успокаивать. Наверное потому что я слишком хорошо знаю ее жизнь. Я знаю где у нее стоят кружки. Знаю что сахар она хранит не рядом с чаем, как нормальные люди, а возле круп. Знаю что сейчас она скорее всего стоит босиком. И наверняка снова забыла собрать волосы.

— Ты ела?

— Нет.

— Конечно.

— Я собиралась.

— Врушка.

— Не врушка.

— Врушка.

— Не врушка.

— Хорошо. Тогда скажи мне что ты сегодня ела.

Я задумываюсь.

Надолго.

Слишком долго.

— Ага.

— Что ага?

— Я поняла.

— Что?

— Что ты врушка.

— Предательница.

— Еще какая.

Я улыбаюсь и натягиваю одеяло до самого подбородка.

Странно. Еще полчаса назад мне хотелось выключить телефон, закрыться от всех и просто исчезнуть до завтра. А сейчас внутри становится как-то теплее. Будто кто-то осторожно распутывает тугой узел под ребрами.

— Как Адам? — неожиданно спрашивает она.

Я закатываю глаза.

— Живой.

— Это не ответ.

— А какой тебе нужен?

— Нормальный.

— Нормальный он.

— Вы не поссорились?

— Нет.

— Точно?

— Энни.

— Что?

— Ты сейчас говоришь как моя бабушка.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— Для меня комплимент.

Я слышу ее смех. И сама начинаю смеяться следом. Бабушка Ляля всегда была для нас кумиром. Помимо пирожков и других Бабушкинских приколов, с ней можно было покурить и выпить крепкий алкоголь за душераздирающими историями.

Наверное поэтому я люблю звонки с Энни. Они никогда

не требуют усилий. Мне не нужно подбирать слова. Не нужно выглядеть лучше. Умнее. Счастливее.

С ней всегда можно просто быть.

— Слушай... — внезапно говорит она.

По ее голосу я сразу понимаю, что сейчас будет либо гениальная идея, либо полнейшая херня. Иногда разницы между ними нет.

— Что?

— А поехали куда-нибудь на выходных?

Я морщусь.

— Нет.

— Я даже не сказала куда.

— Неважно.

— Важно.

— Нет.

— Да.

— Энни.

— Что Энни?

— Ты прекрасно знаешь что я скажу.

На несколько секунд в трубке становится тихо. Она знает. Конечно знает. Наверное лучше всех.

— Мы можем недалеко, — мягче говорит она. — Просто выбраться. Погулять. Поесть чего-нибудь вредного. Посидеть где-нибудь.

Я закрываю глаза. Всего несколько часов назад меня трясло в такси. А теперь даже мысль о дороге снова заставляет

напрячься.

— Я подумаю.

— Это значит нет?

— Это значит подумаю.

— Врушка.

— Отстань.

— Люблю тебя.

Слова вылетают у нее легко. Будто она говорит их так же естественно, как "привет" или "пока".

Я улыбаюсь.

Потому что знаю — она говорит это всем людям, которых считает своими. Но почему-то каждый раз кажется, что именно мне достается чуть больше.

— Я тебя тоже.

Господи. Сколько всего мы обсуждаем, всегда когда созваниваемся. От признания в любви друг другу до политических интриг.

Я ничего не понимаю в политике.

— Пока, детка, — Энни театрально флиртует со мной каждый раз, когда мы прощаемся.

— Пока, сладкая, - Я всегда ей подыгрываю. Но каждый раз делаю это с легкой грустью.

Двух с половиной часов разговора с Энни мне всегда мало. Я понимаю, что у нее куча дел, задач, своя жизнь в конце концов. Но какой-то части меня хочется, чтобы единственным ее делом была я.

Эгоистично? Да. Знаю.

К моему счастью, наедине со своими тревожностями я остаюсь ненадолго.

В мою голову только-только начала протискиваться мысль о том, что трубы в ванной как-то подозрительно шумят. Я еще даже не успела представить всемирный потоп, который они могут устроить, как щелчок входной двери прогнал эту мысль прочь. Она тут же уползла обратно в темный угол моей головы. Ничего страшного. Подождет своего часа.

Адам вернулся с двухлитровой бутылкой колы, килограммовым тортом и... Чипсами?

Я несколько секунд смотрю на этот набор продуктов. Не похоже, что его срочный поход в магазин был чем-то действительно срочным. Но ладно. Такой продуктовый набор нравится мне куда больше, чем килограмм картошки или литр молока.

Хотя...

Только сейчас я понимаю, что Адам подозрительно долго ходил в магазин, который находится буквально в соседнем доме. И совсем не похоже, что все это время он тщательно выбирал торт своей мечты. Скорее наоборот. Будто схватил первое, что попало под руку.

— Ну что, поужинаем? — радостно потирает ладони Адам.

С таким восторгом обычно пятилетние дети реагируют на новость, что родители вместо супа решили отвезти их в Мак-

доналдс. Его почти детская радость не позволяет мне продолжить раскручивать мысли о том, где он действительно был. Поэтому я просто улыбаюсь и киваю. Когда вместо ужина тебя ждет торт, как-то не хочется нагнетать атмосферу.

Я хлопаю ладонью по кровати, приглашая его в свою крепость из одеял и подушек.

Сегодня вставать я точно не собираюсь.

— В кровати? — удивленно спрашивает он.

— В кровати, — улыбаюсь я. — Мы взрослые люди и можем делать что захотим. Есть что захотим и где захотим.

— Очень опасная философия.

— Почему?

— Потому что однажды ты скажешь это в три часа ночи, а потом мы будем жарить пельмени феном.

— Главное не картошку.

— Картошку тоже можно.

— Ты пугаешь меня.

— Я живу ради этого.

Он сбрасывает покупки возле кровати и устраивается рядом. Моя крепость из одеял недовольно принимает еще одного жильца. Становится тесно. Но уютно. Очень уютно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.